

Спасти Ленинград

Натиск армии, которой командовал генерал-лейтенант Николай Кузьмич Клыков был страшен. Усиленные резервами, переброшенными с других участков фронта, войска 2-й ударной вклинились в узкой полосе в расположение 18-й армии противника. Прорвав глубоко эшелонированную оборону в полосе между деревнями Мясной Бор – Спасская Полисть (около 50 километров к северо-западу от Новгорода), к концу января передовые части армии вышли к городу Любань и охватили вражескую группировку с юга.

Почувствовав угрозу соединения частей 2-й ударной с частями 54-й армии Ленинградского фронта, находившейся в 30 километрах к северо-востоку от Любани, немцы укрепили свою 18-ю армию. В период с января по июнь 1942 года в район действий Волховского фронта для ликвидации наступления войск 2-й ударной они перебросили 15(!) дивизий. В итоге командование группы армий «Север» вынуждено было навсегда отказаться от планов по захвату Ленинграда. Но и трагическая судьба 2-й ударной оказалась предreshённой.

27 февраля немцы нанесли удар по открытым флангам советских войск. Наши части, вышедшие к Рябово, оказались отрезанными от главных сил фронта и лишь после многодневных боёв вырвались из окружения. А с марта 1942-го до конца июня войска 2-й ударной армии, находясь в окружении и отрезанные от своих коммуникаций, вели ожесточённые бои, удерживая немцев на юго-восточном направлении. В середине апреля тяжело заболел командарм Клыков – его пришлось эвакуировать на самолёте через линию фронта. В это время в расположении армии находился зам. командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант А.А. Власов. И было вполне естественно, что его, отличившегося в сражениях под Москвой, и назначили командовать окружённой армией (кто же мог предположить, что впоследствии генерал сдастся немцам и пойдёт на активное сотрудничество с врагами).

НЕСЛОМЛЕННЫЕ

В память о Второй ударной

Накануне 75-летия полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады частями Красной Армии нельзя не вспомнить тех бойцов и командиров, которые, начиная с осени сорок первого, ценой своей жизни приближали этот Ленинградский День Победы в пусть в итоге и неудавшихся, но яростных, дорого стоивших гитлеровцам попытках прорвать кольцо смерти, душившее Невскую твердыню. Так каждый год, как только позволяет погода и здоровье ветераны 2-й ударной армии (увы, их всё меньше – всего тридцать один человек остаётся с нами – самый младший фронтовик давно перешагал девяностолетний рубеж!) отправляются к мемориалу в Мясной Бор, чтобы отметить очередную годовщину Любанской операции Красной Армии. Началась она в январе 1942 года, целью своей имела освобождение Ленинграда от вражеской блокады.

Мемориал в Мясном Бору

В середине мая командование 2-й ударной получило директиву о выходе армии за реку Волхов. Осуществить это было более чем трудно. Когда противник закрыл единственный коридор в районе Мясного Бора, сама возможность организованного прорыва стала маловероятной. Тем не менее советские бойцы оказывали героическое сопротивление противнику. Бои продолжались. Вторая ударная ценой огромных потерь сорвала планы немецкого командования по взятию Ленинграда, соединению с финскими войсками. Военные историки в своих исследованиях уже разобрали всю операцию «по косточкам», так что желающие могут обратиться к их трудам. Я же хочу поговорить о другом – о мужестве бойцов и командиров.

Да, 25 июня 1942-го немцы перерезали горловину прорыва. Спустя три дня Гитлеру доложили о победе в Волховском сражении, но, повторяюсь, многие оказавшиеся в окружении красноармейцы, группами и по одиночке, вступали в бой с гитлеровцами, всё лето, до осени (!) пробивались к своим. О последнем подвиге большинства из них нам, как правило, до сих пор ничего не известно. Но случай с выяснением обстоятельств смерти дивизионного комиссара Ивана Васильевича Зуева лишь подтверждает: наши предки погибали в неравных схватках, но – непобеждёнными!

Последний бой комиссара

Итак, вечером 24 июня советские войска решительной атакой открыли вновь узкую горловину, прозванную «Долиной

смерти». И разрозненные части армии фактически возглавил член военсовета 2-й ударной дивизионный комиссар И.В. Зуев. Он формировал группы бойцов, которые не только сами должны были выходить из окружения – выносить раненых, и сам возглавлял бросок по коридору, с обеих сторон простреливаемого фашистами. По воспоминаниям ветеранов, шёл впереди группы в полный рост!

Пройдя к своим в первый раз, Зуев доложил обстановку в штабе фронта. Ему предложили остаться.

– Не имею права бросить бойцов. Выйду из окружения последним, – отрезал комиссар.

Спорить не стали. Участник боёв в Испании (Зуев воевал там комиссаром танковой интербригады, был награждён орденом Красного Знамени и Красной Звезды), член военсовета действительно был необходим отступавшим красноармейцам. Трижды выводил он группы из окружения. Всего свыше тысячи человек миновали вслед за комиссаром «Долину смерти». Наконец, в 9.30 утра 25 июня немцы захлопнули горловину. Теперь уже окончательно.

И советскому командованию было неизвестно: где самые во 2-й ударной главные лица – генерал-лейтенант Власов и дивизионный комиссар Зуев? Через некоторое время от партизан поступило сообщение: Власов перешёл к гитлеровцам. О судьбе Зуева никакой информации получить не удалось. Он стал числиться пропавшим без вести. Что же на самом деле произошло с комиссаром?

Умираю, но не сдаюсь!

Зуев долго блуждал по лесам, пока не вышел к железнодорожному полотну. Он, конечно, не знал, что это был перегон между полустанками Бабино-Торфяное Чудовского района. Но Иван Васильевич увидел путевых рабочих и, присмотревшись из-за кустарника, понял – свои, русские! Спокойно пошёл к путейцам:

– Здравствуйте! Если можно – воды. И – хлеба.

Старший из ремонтников (по фамилии Ковригин) двинулся было навстречу, но вдруг остановился, заметив сначала комиссарские красные звёзды на рукавах, а потом, подняв глаза выше – два ромбы в петлицах:

– Попить, товарищ дивизионный комиссар? Пожалуйста. Это можно. А за хлебушком сейчас Сейц сгоняет, – и, подойдя к своему помощнику, что-то шепнул ему на ухо.

Ничего не подозревавший Зуев присел отдохнуть у насыпи. Осмотрелся. Стоял чудный летний день. На небе – ни облачка. Вокруг, весело жужжа, летали стрекозы. И находившиеся рядом люди, как в мирные дни, занимались мирным же трудом. Эх, скорее бы выйти к своим! Ничего, сейчас он узнает у рабочих, в какую сторону идти. Но – что это?

Топая сапогами и передёргивая затворы винтовок и автоматов, прямо к нему приближались фашисты. Комиссар вскочил на ноги, прикинул – человек тридцать вёл посланный «за хлебушком» предатель. У Ивана Васильевича было с собой два пистолета. Стрелял он метко, поэтому хладнокровно ждал, когда враги подойдут поближе. А те, крича: «Рус, сдавайся!», приближаясь, не стреляли – знали, если у русского два ромба – значит, большой начальник.

В ответ Зуев открыл огонь. Он знал, что это его последний бой, знал, что ни при каких обстоятельствах не сдастся фашистам, и старался, чтобы каждый выстрел уносил вражескую жизнь. Стали стрелять и немцы, стараясь ранить комиссара, рассредоточились, окружая его.

Зуев считал выстрелы. Наконец, он понял, что остался последний патрон. Ещё раз посмотрел на безоблачное небо... Зуев выстрела не услышал.

Их тридцать сребреников

Гитлеровцы были крайне раздосадованы: не удалось взять живым столь важного комиссара – второго человека в армии после сдавшегося им генерала Власова. Потому и вознаграждение предателям было невелико – всего-навсего разрешили обыскать мёртвого Зуева. Ковригин быстро осмотрел карманы гимнастёрки и брюк – в руках у него оказалась небольшая сумма бумажных денег, которые он торжествующе показал Сейцу – ни того, ни другого не смутил тот факт, что купюры были в крови погибшего дивизионного комиссара. Сейц, порывшись в карманах Зуева, нашёл и взял себе часы.

Пройдут годы. Сначала немецкие захватчики разобьют под Ленинградом, вышвырнут с территории Ленинградской области, Новгородчины, потом – СССР, Польшы. В Берлине, над рейхстагом будет водружено Красное Знамя. Состоится Нюрнбергский трибунал. По всей Европе пройдут суды над подручными гитлеровцев. В СССР на скамью подсудимых угодят, среди прочих мерзавцев, Ковригин и Сейц. По непонятной причине вместо заслуженного расстрела они получат пусть значительный, но всё же – только тюремный срок. Отбудут его и... вернутся в родные края. Ковригин даже поселится неподалёку от места гибели преданного ими комиссара.

Однажды «покой» этих людей нарушат журналисты и поисковики, которые по крупицам будут восстанавливать обстоятельства смерти Ивана Васильевича Зуева. Ковригин признается, что взял из кармана комиссара окровавленные деньги, забормочет, что не смог ими воспользоваться, а Сейц категорически откажется отвечать на вопросы. Говорят, предатели умерли своей смертью.

Благодарная память

Иван Васильевич Зуев

Свыше двадцати лет Иван Васильевич Зуев считался пропавшим без вести. И до сих пор считался бы, не заинтересуйся безымянной могилой у железной дороги юные поисковики-школьники Чудовского района Новгородской области. Начали расспрашивать старших, нашли, в конце концов, женщину, которая видела, как погиб Зуев. Знала, кто его хоронил и следил за могилой – чтобы не пропала. Но всякое упоминание о Второй ударной было в те годы под запретом – вот и молчала. Тут за дело уже взялись взрослые. Неподалёку от Чудова, на откосе железнодорожного полотна, появилась обнесённая голубой оградой могила – скромный столбик с красной звездой, табличка:

Зуев

Иван Васильевич
1907–1942 гг.

Погиб в боях за Родину

Только через 23 года Екатерина Завановна Зуева узнала, что её муж пал смертью героя, в чём она никогда и не сомневалась. Но теперь, после стольких лет неведения, появилась возможность поклониться дорогой могиле. Ей вручили орден Отчужденной войны I степени, которым дивкомиссара наградили посмертно. Люди собрали деньги и поставили памятник герою. В городе Горьком (ныне вновь Нижнем Новгороде) имя дивизионного комиссара Ивана Васильевича Зуева присвоили одной из библиотек. И никто не покусился убрать имя героя из её названия в мучные 90-годы минувшего века. Сейчас это библиотека семейного чтения имени И.В. Зуева. И всё новые поколения посетителей узнают о подвиге уроженца Нижегородской земли Ивана Зуева, который шёл со 2-й ударной армией высвобождать Ленинград из блокадного кольца.

Слово о несломленных

11 апреля во всем мире отмечается Международный день освобождения узников фашистских концлагерей. Но мало кто знает, что в дело освобождения Бухенвальда немалый вклад внесли и участники Любанской операции, попавшие в немецкий плен в 1942-м, офицеры Назиров и Поспелов.

Командир 844-го полка 267-й дивизии майор В.А. Поспелов и начальник штаба полка майор Б.Г. Назиров попали в плен ранеными, но и в концлагерях продолжали борьбу с противником. 11 апреля 1945 года офицеры были в первых рядах восставших в концлагере Бухенвальд. Это был единственный случай за всю Вторую мировую войну, когда заключённые освободили себя сами. С тех пор Владимир Поспелов считал своим днём рождения 11 апреля...

Известны многочисленные случаи, когда красноармейцы и командиры – участники Любанской операции – и в плену продолжали активную борьбу с противником. О высокой и трагической судьбе поэта Мусы Джалиля – старшего политрука, корреспондента газеты «Отвага» Залилова – сегодня известно всему просвещённому человечеству, потому остановлюсь на менее известных, но не менее героических именах.

Начальник санитарной службы 2-й ударной армии военврач 1-го ранга, кавалер ордена Красного Знамени К.К. Боборыкин специально остался в окружении, чтобы спасти раненых. В плену доктор принципиально носил форму со знаками различия начсостава Красной Армии и продолжал оказывать медицинскую помощь военнопленным. (После освобождения из плена Константин Боборыкин был восстановлен в армии, занимался научной работой в Военно-медицинской академии. Уволился в запас в звании полковника медицинской службы).

Его коллега и подчинённый – начальник санитарной службы 23-й стрелковой бригады военврач 2 ранга Н.И. Кононенко попал в плен 26 июня 1942 года. В лагере Маутхаузен активно участвовал в работе подполья. Гестапо выследило готовивших восстание заключённых. 25 сентября 1944 года

доктора Кононенко и ещё 125 подпольщиков расстреляли.

Политрук роты 1004-го полка 305-й дивизии Д.Г. Тельных, попав раненым в плен в июне 1942 года, был помещён сначала в один концлагерь, потом в другой, третий. Наконец, в 1943-м, в Бельгии, Дмитрию удалось бежать и пробраться в бельгийский партизанский отряд №4, почти полностью составленный из беглых советских военнопленных. Этот отряд входил в состав русской партизанской бригады «За Родину». В мае 1945 года бригада «За Родину», в которой Тельных воевал снова политруком, захватила город Майзак и восемь часов удерживала его до подхода английских войск. По возвращении на Родину Дмитрия Тельных восстановили в рядах Советской Армии, и он продолжил воинскую службу. Перечень боровшихся с немцами в плену можно продолжать, но автор, к сожалению, ограничен рамками статьи.

За обман – в морду

Конечно, всякие проверяющие, надзирающие и т.п. «товарищи контролёры» личного состава смотрели на освободившихся, пусть и с оружием в руках, из плена косо, как могли портили жизнь. Те же Назиров и Поспелов, вынужденные уволиться из армии, работали на скромных должностях (им ещё повезло, а скольких в лагеря отправили!). Но история всё расставила по местам. Один уважаемый и хорошо информированный человек с «большими звёздами» на погонах, входивший в руководство советского минобороны, однажды рассказал мне, что в середине 60-х годов прошлого века, кажется, участники Сопротивления Бухенвальда решили провести встречу и пригласили своих товарищей Бориса Назирова (он был одним из руководителей подполья) и Владимира Поспелова приехать. Но наши «компетентные» товарищи решили послать вместо них, подозрительных, с сомнительным прошлым, хорошо «проверенные и достойные представлять страну» кадры. Так вот, как говорил мне собеседник, этим «проверенным и достойным» разъярённые антифашисты просто набили морду, и советским ответработникам пришлось срочно исправлять ситуацию.

Сейчас уже нет участников тех событий, способных в прямом смысле этого слова дать в морду появляющимся то тут, то там очернителям боевого прошлого бойцов и командиров – участников Любанской операции, ценой своих жизней спасших Ленинград. Кто же защитит тех, кто, не рассчитывая на посмертную славу, вступал в последний бой с врагами в окрестностях Мясного Бора, у неизвестных деревень, в лесах, в концлагерях.

А кроме нас некому защитить их память! Именно нынешнее и грядущее поколения должны вечно помнить их Подвиг. Не встань они и их боевые товарищи с других фронтов Великой Отечественной войны живой стеной в то страшное время на пути врага – не было бы победной весны Сорок Пятого!

*Город-герой Ленинград –
Санкт-Петербург*